

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ И ИХ ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д.А. Иванов, М.А. Куликов

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

15 апреля 2020 г.

Дата принятия в печать

19 августа 2020 г.

Дата онлайн-размещения

31 августа 2020 г.

Ключевые слова

Международные стандарты;
уголовное судопроизводство;
уголовное дело; мера пресечения;
доказательство

Аннотация. Цель данного исследования состояла в выявлении проблем, существующих при имплементации международных стандартов избрания мер пресечения в российское уголовно-процессуальное законодательство. Авторами уточнено понятие международных стандартов уголовного судопроизводства, изложены особенности их воплощения в конституционные нормы, а также в правила, закрепленные на отраслевом уровне. Показана важность мер пресечения в общем механизме правового регулирования. Доказана необходимость комплексного изменения российского законодательства в части, касающейся правовой регламентации мер пресечения, с целью создания единого механизма уголовного преследования и защиты от него. Среди основных полученных в работе выводов можно выделить следующие: 1) российское уголовное судопроизводство, в том числе в части, касающейся избрания мер пресечения, должно в полной мере соответствовать международным стандартам; 2) международные стандарты имплементируются в российское уголовно-процессуальное законодательство как опосредованно, через конституционные положения, так и непосредственно, путем совершенствования УПК РФ; 3) меры пресечения должны избираться лишь при наличии соответствующих оснований, которыми выступает не усмотрение должностных лиц уголовного судопроизводства, а реальные доказательства, содержащиеся в материалах уголовного дела и являющиеся необходимыми и достаточными для выбора конкретной меры из числа закрепленных в законе; 4) обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения, если они потенциально позволяют избрать более строгую меру пресечения из их общего перечня, должны быть прямо закреплены в законе, и наоборот, перечень обстоятельств, способных улучшить положение лица, исчерпывающим не является; 5) для того чтобы лицо имело возможность отстаивать свою позицию, целесообразно предусмотреть возможность избрания меры пресечения в виде лишения свободы только в отношении обвиняемого, исключив такую возможность в отношении подозреваемого; 6) поскольку надлежащим поведением лица с позиции стороны обвинения является дача им показаний, подтверждающих причастность к совершению преступления, при избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде следует убрать из закона указание на то, что это требуется для обеспечения такого поведения; 7) наблюдение командования воинской части, применяемое в отношении военнослужащих, нельзя подменять фактическим лишением или иным ограничением свободы передвижения в пределах воинской части; 8) если отсутствуют основания для избрания в отношении лица заключения под стражу, суд должен иметь возможность избирать любую иную меру пресечения из числа установленных в законе. Данное исследование в методологическом плане представляет собой анализ нормативных правовых актов международного уровня, общепризнанных принципов и норм международного права, касающихся избрания мер пресечения, а также проблем их имплементации в российское уголовное судопроизводство. Были использованы методы: сравнительно-правовой, историко-правовой, социологический, метод толкования правовых норм, ряд логических методов. На основании полученных данных сформулированы ключевые выводы, которые позволили обоснованно применять ряд терминов, установить необходимость системного совершенствования российского законодательства путем введения механизмов, обеспечивающих права, свободы и законные интересы личности при избрании в отношении нее мер пресечения.

INTERNATIONAL STANDARDS OF PREVENTIVE MEASURES AND THEIR IMPLEMENTATIONS IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Dmitrii A. Ivanov, Michail A. Kulikov

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2020 April 15

Accepted

2020 August 19

Available online

2020 August 31

Keywords

International standards; criminal proceedings; criminal case; preventive measure; evidence

Abstract. The goal of this research is to identify problems arising during the implementation of international standards for the selection of preventive measures into Russian criminal procedure legislation. The authors specify the concept of international standards of criminal court proceedings, present the specific features of their incorporation into constitutional norms as well as rules in different branches of law. The importance of preventive measures in the general mechanism of legal regulation is shown. The authors prove the necessity of systemic changes in the part of Russian legislation that deals with the legal regulation of preventive measures with the purpose of creating an integrated mechanism of criminal prosecution and protection against it. Key findings of research include: 1) Russian criminal proceedings, including its part regulating the selection of preventive measures, should fully correspond to international standards; 2) international standards are implemented in Russian criminal procedure legislation both indirectly, through constitutional clauses, and directly, through the improvements in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation; 3) preventive measures should only be selected if there are sufficient grounds for them, and these grounds are not the at the discretion of officials involved in criminal proceedings, they are real evidence in the materials of a criminal case that is necessary and sufficient for selecting a specific measure from the measures included in the law; 4) circumstances that are taken into consideration when selecting a preventive measure, if they potentially provide for a stricter measure from their general list, should be explicitly laid down in the law, and contrary to this, the list of circumstances that could improve the position of a person is not exhaustive; 5) to give a person an opportunity to defend their position, the possibility of selecting the preventive measure of detention is only feasible for the accused, and should be excluded for the suspect; 6) since the proper behavior of a person, from the position of the prosecution, is to give testimony that proves their involvement in a crime, the corresponding indication that this is necessary to ensure such behavior should be removed from the law when selecting the preventive measure of recognition not to leave; 7) the supervision of the command staff of a military base over military personnel should not be substituted with an actual deprivation or limitation of the freedom of movement within the territory of the base; 8) when there are no grounds for selecting detention, the court should have a possibility to select any other preventive measure from those included in the law. From the methodological standpoint, this research is an analysis of international normative legal acts and generally recognized principles and norms of international law regulating preventive measures as well as the problems of their implementation in Russian criminal proceedings. The following methods were used: comparative legal, historic legal, sociological, interpretation of law norms, a number of logical methods. The obtained data was used to formulate key conclusions, which made it possible to correctly use a number of terms, and determine the necessity of a systemic improvement of Russian legislation through the introduction of mechanisms that ensure the rights, liberties and lawful interests of a person when selecting a preventive measure.

Современный период развития российского уголовного судопроизводства начался в 2001 г. с принятием Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Одним из наиболее важных аспектов защиты личности является обеспечение соблюдения закона в ходе избрания мер пресечения в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений. При этом должны строго соблюдаться требования международных стандартов и действующего законодательства [1].

В соответствии со ст. 1 УПК РФ основу уголовно-процессуального законодательства составляют положения Конституции РФ. В свою очередь, при разработке конституционных норм значительное внимание уделялось меж-

дународным стандартам уголовного судопроизводства, в том числе праву на свободу и неприкосновенность личности [2, с. 15]. Поэтому в механизм избрания мер пресечения в качестве его важнейших структурных элементов входят три группы взаимообусловленных правил: международные стандарты, конституционные предписания и положения УПК РФ, касающиеся обеспечения законности и обоснованности соответствующих процессуальных решений и действий. При этом обоснованность — это не просто гипотеза относительно возможного поведения лица в будущем, а конкретные доказательства, которые подтверждают социально негативное поведение подозреваемого, обвиняемого в прошлом и которые позволяют сделать вывод о значительной степени вероятности продолже-

ния такого поведения, если в отношении него не будет избрана мера пресечения¹ [3].

Под правовым стандартом понимается определенный образец, эталон, с которым сравниваются другие подобные объекты. Термин «международные стандарты» раскрывается в источниках «мягкого» права [4, р. 16–28]. Так, в Минимальных стандартных правилах обращения с заключенными, принятых Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Женева, 30 августа 1955 г.), указано, что международные стандарты представляют собой нормы, которые разработаны на основе современных научных и практических достижений, признаются соответствующими действительности и осуществляют регулирование соответствующих общественных отношений. К международным стандартам следует также отнести документы рекомендательного характера, разработанные на основе указанных выше норм и принципов.

При этом все стандарты, закрепленные в международно-правовых документах, являются неотъемлемой частью защиты фундаментальных прав, свобод и интересов участников уголовного судопроизводства [5, с. 29–30].

Юридическую основу международных стандартов по вопросам избрания и применения мер пресечения составляют нормы международных договоров. В частности, в ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. закреплено право на свободу и личную неприкосновенность. В ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. зафиксированы международно-правовые стандарты, обеспечивающие личную неприкосновенность, запрет на произвольный арест и заключение под стражу, строгая регламентация оснований, условий и порядка заключения под стражу и др.²

Составной частью международных стандартов являются также правовые позиции Европейского суда по правам человека, выработанные по вопросам, касающимся избрания мер пресечения [6].

¹ The Criminal justice system in Japan: prosecution : 107th international training course unafei paper. URL: http://www.unafei.or.jp/english/pdf/RS_No53_10FP.pdf.

² Human Rights Committee, General comment No. 35 Article 9 (Liberty and security of person) : Adopted by the Committee at its 112th session on 7–31 October 2014. CCPR/C/GC/35 par. 38, pp. 4–9.

На национальном уровне наиболее важные правила, касающиеся обеспечения прав личности при избрании мер пресечения, закреплены в Конституции РФ. В ч. 1 ст. 17 закреплено, что в России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящим актом. В Конституции РФ также содержатся многие стандарты избрания мер пресечения, непосредственно вытекающие из международно-правовых обязательств государства. Так, в ст. 21 указано, что достоинство личности охраняется государством, и никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Согласно ст. 22, каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность, а заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. В силу ст. 23 каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Также лицу должно быть обеспечено право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений.

Механизм избрания мер пресечения закреплен в УПК РФ. Вопросы, касающиеся избрания данных мер, отражены в ряде принципов уголовного судопроизводства: законность (ст. 7); уважение чести и достоинства личности (ст. 9); неприкосновенность личности (ст. 10); охрана прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (ст. 11) и др. Более того, можно проследить влияние практически любого принципа уголовного судопроизводства на механизм избрания мер пресечения и последующего их применения [7, с. 625–627].

В УПК РФ содержится гл. 13, в которой определены основания избрания мер пресечения, приведен их перечень, а также регламентирован порядок избрания, изменения и отмены каждой меры пресечения из числа предусмотренных законом.

Несомненно, международные стандарты и конституционные положения пронизывают своим содержанием все уголовно-процессуальные нормы. Вместе с тем в уголовно-процессуальном законе имеются и некоторые правила, которые не стыкуются с указанными выше требованиями и в этой связи должны быть усовершенствованы.

Определение международных стандартов мер пресечения и их сопоставление с российским уголовно-процессуальным законодательством позволили выявить ряд проблем, а также обосновать предложения по их устранению.

Перейдем непосредственно к примерам.

1. Все меры пресечения должны применяться лишь при наличии соответствующих оснований, перечень которых приведен в ч. 1 ст. 97 УПК РФ. К ним относится убеждение должностного лица уголовного судопроизводства в том, что обвиняемый или подозреваемый, к которому не будет избрана адекватная мера пресечения, совершит одно или несколько негативных действий (скроется, сможет продолжать заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу).

Несомненно, данные действия обвиняемого, подозреваемого могут нанести существенный вред интересам предварительного расследования и судебного разбирательства. Но это не исключает обязанности должностного лица устанавливать обстоятельства, подтверждающие неизбежность или высокую вероятность наступления подобных последствий. Прямой запрет произвольного заключения под стражу установлен в ч. 1 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.

Исходя из этого, в норме, содержащей перечень оснований для избрания меры пресечения, целесообразно прямо указать, что вывод о наличии таких оснований должен подтверждаться реальными доказательствами, собранными в установленном законом порядке и отраженными в материалах уголовного дела.

2. В ст. 99 УПК РФ приведен перечень обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения. В их числе указаны такие, как тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого или обвиняемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства.

Такие обстоятельства подтверждаются доказательствами, содержащимися в уголовном деле. Это соответствует международному стандарту, закрепленному в ч. 1 ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., согласно которому никто не должен быть лишен свободы иначе, как на

таких основаниях и в соответствии с такой процедурой, которые установлены законом.

При этом обстоятельства, учитываемые при избрании мер пресечения, нельзя подменять общими основаниями, которые должны наличествовать в каждом случае избрания меры пресечения.

В ст. 99 УПК РФ указано, что перечень обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения, исчерпывающим не является. Это правило позволяет максимально индивидуализировать меру пресечения, которая подлежит избранию в каждом конкретном случае [8, с. 61–62]. Однако при этом возникает и определенная проблема. В данной норме четко не указано, в какую сторону — смягчения или ужесточения — могут быть использованы «другие обстоятельства», учитываемые при избрании конкретной меры пресечения.

При этом результат использования таких обстоятельств — смягчение или ужесточение изначально предназначенной меры пресечения — зависит от конкретных обстоятельств уголовного дела и от содержания того либо иного обстоятельства. Так, наличие или отсутствие у лица постоянного места жительства определенным образом влияет на вид избираемой меры пресечения.

Вместе с тем международные стандарты в сфере уголовного судопроизводства обуславливают тот факт, что обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения в силу ст. 99 УПК РФ, в любом случае не должны подменять общих оснований для избрания меры пресечения [9, с. 127–128].

3. Лицом, в отношении которого может быть избрана мера пресечения, по общему правилу является обвиняемый. В отношении подозреваемого в силу ст. 100 УПК РФ меры пресечения избираются лишь в исключительных случаях. После этого обвинение предъявляется лицу в весьма ограниченный срок.

Вместе с тем процессуальные возможности подозреваемого и обвиняемого существенно различаются. Подозреваемый вправе получить лишь краткую информацию относительно того, в чем он подозревается. В отличие от этого, обвиняемый вправе знать, в чем конкретно он обвиняется, а также получить на руки копию постановления о привлечении в качестве обвиняемого с детальным описанием обвинения.

В этом случае у подозреваемого нет возможности возражать против выдвинутых к нему

претензий уголовно-правового характера, а также использовать иные принадлежащие ему процессуальные права.

Также не в полной мере в отношении подозреваемого, особенно на раннем этапе предварительного расследования, действует принцип презумпции невиновности [10, р. 165–167]. Хотя в процессе избрания меры пресечения и не оценивается доказанность того, что лицо причастно к совершению преступления, формально данное правило используется в пользу стороны обвинения.

На практике это приводит к тому, что меры пресечения, причем даже самая суровая — заключение под стражу, применяются к лицам практически сразу же после возбуждения уголовного дела, когда доказательств, подтверждающих причастность лица к совершению преступления, явно недостаточно. Более того, избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, по мнению стороны обвинения, как раз и призвано обеспечить последующее признание лица в совершении преступления.

Чтобы избежать подобных нарушений и обеспечить права лица, в отношении которого разрешается вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, представляется целесообразным закрепить в УПК РФ правило о том, что данная мера может избираться лишь в отношении обвиняемого. Как промежуточный вариант, можно предусмотреть возможность избрания в отношении подозреваемого (опять-таки в исключительных случаях) мер пресечения, не требующих судебного решения.

4. Подписка о невыезде и надлежащем поведении (ст. 102 УПК РФ) является одной из наиболее распространенных мер пресечения. Ее широкая востребованность объясняется тем, что она и в теории, и на практике воспринимается как альтернатива заключению под стражу.

Сущность данной меры пресечения заключается в том, что лицо находится в месте своего жительства, является по вызовам, а также не препятствует производству по уголовному делу.

Наряду с несомненной эффективностью данной меры пресечения закон содержит определенные недостатки, которые обусловлены несоответствием ее наименования и порядка избрания международным стандартам.

Так, в названии этой меры пресечения фигурирует обязанность лица иметь «надлежащее поведение». Сама по себе такая обязанность корреспондируется с общим правилом,

согласно которому лицо, вовлеченное в уголовно-процессуальные отношения, должно соблюдать положения закона, а также правомерные требования должностных лиц уголовного судопроизводства. Вместе с тем в конкретной ситуации должностное лицо, которое заинтересовано в скорейшем и полном расследовании преступления, может пояснить лицу, что надлежащим является такое поведение, в ходе которого оно сообщает о своей причастности к совершению преступления, о соучастниках, местах, в которых находится похищенное имущество, и т.п. В этом плане с учетом международных стандартов, обеспечивающих недопустимость избрания мер пресечения в целях противоправного воздействия на подозреваемого, обвиняемого, в УПК РФ должно быть прямо указано, что избрание в отношении лица подписки о невыезде, а равно иной меры пресечения не должно использоваться для получения от него показаний, подтверждающих его виновность.

Кроме того, как следует из содержания ст. 102 УПК РФ, подписка о невыезде не позволяет лицу «иным образом не препятствовать производству по уголовному делу». Приведенные выше рассуждения можно в полной мере отнести и к данному правилу, поскольку отказ лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, от дачи показаний или дача им показаний, не соответствующих действительности, представляют собой проявление права на защиту и не противоречат действующему законодательству. Право лица защищаться любыми прямо не запрещенными законом средствами и способами закреплено в п. «с» ч. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.

Поэтому в данной норме речь должна идти именно о противоправном препятствовании производству по уголовному делу, в результате чего происходит прямое нарушение закона.

5. Наблюдение командования воинской части (ст. 104 УПК РФ) в качестве меры пресечения применяется во многих странах. Она обеспечивает участие в уголовном судопроизводстве подозреваемого, обвиняемого, являющегося военнослужащим, без лишения его свободы. Наряду с тем, что данная мера пресечения на протяжении долгого времени ее применения доказала свою эффективность, нормы, определяющие ее содержание, не свободны от недостатков.

В ч. 1 ст. 104 УПК РФ указано, что данная мера состоит в том, что к военнослужащему с целью обеспечения его участия в уголовном судопроизводстве применяются меры, предусмотренные уставами Вооруженных сил РФ. При этом лицо, за которым осуществляется наблюдение, нельзя запирают в непригодных помещениях на территории войсковой части, иным образом ограничивать возможность его передвижения и соблюдения им общего распорядка дня. Это также следует расценивать как фактическое лишение свободы, что в силу международных стандартов недопустимо. Право на свободу и личную неприкосновенность, в частности, гарантировано ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.

Изложенное требует внесения в ст. 104 УПК РФ соответствующих правил, призванных отграничить данную меру пресечения от фактического заключения под стражу.

6. Наиболее строгой мерой пресечения из числа предусмотренных российским законодательством является заключение под стражу (ст. 108 УПК РФ). Сущность данной меры состоит в том, что лицо помещается в специальное охраняемое помещение, в котором постоянно находится в условиях, полностью исключающих свободу передвижения. Но международные стандарты и конституционные права в отношении такого лица должны быть обеспечены в полной мере, без каких бы то ни было исключений [11, с. 4–5].

Определенная сложность возникает в двух случаях.

Так, с целью дополнительного обеспечения свободы предпринимательства в ст. 108 УПК РФ в 2018 г. была добавлена ч. 1.1. Норма предоставляет стороне обвинения возможность избирать меру пресечения в виде заключения под стражу при расследовании преступлений в сфере предпринимательской деятельности лишь в тех случаях, когда лицо уже совершило одно или несколько социально негативных действий, а не только когда имеются сведения о возможности совершения таких действий в будущем.

Однако на практике данный запрет соблюдается крайне редко, поскольку должностное лицо уголовного судопроизводства, излагая обстоятельства деяния, сводит его к обычным преступлениям и не признает совершенным в сфере предпринимательской деятельности. Суд же, рассматривая поступившие материалы, зачастую формально подходит к их изучению и

приводит в постановлении о заключении под стражу аргументы, на которые ссылается сторона обвинения.

В этой связи целесообразно в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» от 15 ноября 2016 г. № 48 дать детальные разъяснения относительно того, какими именно признаками обладает предпринимательская деятельность, а также указать, что в каждом случае, когда у стороны обвинения будут возникать сомнения, трактовать их в пользу подозреваемого, обвиняемого, как это вытекает из содержания принципа презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ). Также следует принимать во внимание, что в силу ст. 11 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. никто не может быть лишен свободы на том только основании, что он не в состоянии выполнить какое-либо договорное обязательство.

Вторая проблема состоит в том, что в ч. 7.1 ст. 108 УПК РФ закреплено право суда при отказе в удовлетворении ходатайства стороны обвинения о заключении подозреваемого, обвиняемого под стражу по собственной инициативе избрать в отношении лица меру пресечения в виде запрета определенных действий (ст. 105.1), залога (ст. 106) или домашнего ареста (ст. 107). Вместе с тем неясно, почему законодатель сузил возможности суда до избрания лишь этих мер пресечения. На практике имеют место ситуации, когда стороне обвинения отказано в заключении подозреваемого, обвиняемого под стражу, в результате чего лицо вообще осталось вне меры пресечения и приобрело возможность беспрепятственно покинуть зал судебного заседания.

В данном случае следует предоставить суду возможность избирать и иные меры пресечения, например подписку о невыезде. В качестве альтернативы можно предложить закрепить в законе возможность стороны обвинения в пределах имеющихся полномочий заранее избирать в отношении подозреваемого, обвиняемого другую меру пресечения. Она продолжит действовать, если суд не заключит лицо под стражу и не найдет оснований для избрания иных мер пресечения из числа указанных в ч. 7.1 ст. 108 УПК РФ.

Обобщая указанное выше, необходимо отметить следующее.

В рамках настоящей статьи была сделана попытка привлечь внимание к международным стандартам избрания мер пресечения в уголовном судопроизводстве, а также рассмотреть проблемы, возникающие при их инкорпорации в российское уголовно-процессуальное законодательство.

Специалистами в области уголовного судопроизводства данная сфера не исследуется надлежащим образом, поскольку в большинстве случаев научные работы либо посвящены общим международно-правовым стандартам, либо, наоборот, в них уделяется внимание отдельным аспектам правоприменительной деятельности.

Некоторые проблемы, затронутые в настоящей работе, имеют историческую и научную составляющие, но большинство из них обусловлено неполным соответствием международным стандартам избрания мер пресечения. В этой

связи целесообразно разработать общий алгоритм имплементации международных стандартов, касающихся мер пресечения, в российское уголовно-процессуальное законодательство, а также создать эффективный механизм правового регулирования соответствующих правоотношений. Это позволит эффективно осуществлять уголовное судопроизводство, а также обеспечивать соблюдение прав, свобод и законных интересов лиц, вовлеченных в данную социально значимую деятельность.

Несомненно, большинство выявленных проблем следует разрешать путем внесения изменений в национальное уголовно-процессуальное законодательство. Ориентиром должны послужить международные стандарты избрания мер пресечения, а также положительный опыт законодательных и правоприменительных органов зарубежных государств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волошин В.М. К вопросу о сущности и свойствах международно-правового стандарта применения меры пресечения в виде заключения под стражу / В.М. Волошин, А.О. Зайцев // *Международное уголовное право и международная юстиция*. — 2017. — № 5. — С. 19–22.
2. Машинская Н.В. Право на неприкосновенность личности в современном уголовном судопроизводстве: содержание и пределы действия / Н.В. Машинская // *Адвокатская практика*. — 2018. — № 6. — С. 15–17.
3. Hug M. Art. 221 / M. Hug // *Kommentar zur Schweizerischen Strafprozessordnung (StPO)* / A. Donatsh, T. Hansjakob, V. Lieber. — Zurich, 2010. — S. 1085–1094.
4. Summers S.J. *Fair Trials: The European Criminal Procedural Tradition and European Court of Human Rights* / S.J. Summers. — London : Bloomsbury Publishing, 2007. — 200 p.
5. Лыгин Н.Я. Международно-правовые стандарты и конституционная законность в российской судебной практике : науч.-практ. пособие / Н.Я. Лыгин, В.Н. Ткачев. — Москва : Статут, 2012. — 526 с.
6. Mahoney P. Right a fair trial in criminal matters under Article 6 E.C.H.R. / P. Mahoney // *Judicial Studies Institute Journal*. — 2004. — № 4. — P. 107–129.
7. Химичева О.В. О совершенствовании принципов уголовного судопроизводства / О.В. Химичева, Г.П. Химичева // *Актуальные проблемы российского права*. — 2014. — № 4. — С. 625–630.
8. Качалова О.В. Учет судом оснований и условий применения заключения под стражу в качестве меры пресечения / О.В. Качалова // *Судья*. — 2019. — № 9. — С. 60–64.
9. Симагина Н.А. Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу: зарубежный опыт / Н.А. Симагина // *Вестник Кузбасского института*. — 2019. — № 4 (41). — С. 126–133.
10. Stevens L. Pre-trial Detention: The Presumption of Innocence and Article 5 of the European Convention on Human Rights Cannot and Does Not Limit its Increasing Use / L. Stevens // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*. — 2009. — № 17. — P. 165–180.
11. Волеводз А.Г. Международные стандарты заключения под стражу: позиции Комитета по правам человека ООН / А.Г. Волеводз // *Международное уголовное право и международная юстиция*. — 2017. — № 3. — С. 3–7.

REFERENCES

1. Voloshin V.M., Zaitsev A.O. On Essence and Attributes of International Law Standard of Remand in Custody Application. *Mezhdunarodnoe ugovnoye pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya = International Criminal Law and International Justice*, 2017, no. 5, pp. 19–22. (In Russian).
2. Mashinskaya N.V. The Right to Inviolability of Person in the Modern Criminal Proceedings: the Content and the Application Scope. *Advokatskaya praktika = Advocate's Practice*, 2018, no. 6, pp. 13–15. (In Russian).
3. Hug M. Art. 221. In Donatsh A., Hansjakob T., Lieber V. *Kommentar zur Schweizerischen Strafprozessordnung (StPO)*. Zurich, 2010, S. 1085–1094. (In German).
4. Summers S.J. *Fair Trials: The European Criminal Procedural Tradition and European Court of Human Rights*. London, Bloomsbury Publishing, 2007. 200 p.
5. Lygin N.Ya., Tkachev V.N. *Mezhdunarodno-pravovye standarty i konstitutsionnaya zakonnost' v rossiiskoi sudebnoi praktike* [International Law Standards and Constitutional Legality in Russian Court Practice]. Moscow, Statut Publ., 2012. 526 p.
6. Mahoney P. Right a Fair Trial in Criminal Matters under Article 6 E.C.H.R. *Judicial Studies Institute Journal*, 2004, no. 4, pp. 107–129.

7. Khimicheva O.V., Khimicheva G.P. On improving the principles of criminal court procedure. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2014, no. 4, pp. 625–630. (In Russian).

8. Kachalova O.V. Consideration by the Court of the Grounds and Conditions for the Use of Detention as a Preventive Measure. *Sud'ya = Judge*, 2019, no. 9, pp. 60–64. (In Russian).

9. Simagina N.A. Circumstances Considered when Electing Preventive Measure in the Form of Custodial Placement: the Foreign Experience. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2019, no. 4 (41), pp. 126–133. (In Russian).

10. Stevens L. Pre-trial Detention: The Presumption of Innocence and Article 5 of the European Convention on Human Rights cannot and does not Limit its Increasing Use. *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice*, 2009, no. 17, pp. 165–180.

11. Volevodz A.G. International Detention Standards: Positions of the UN Human Rights Committee. *Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yustitsiya = International Criminal Law and International Justice*, 2017, no. 3, pp. 3–7. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов Дмитрий Александрович — профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: ida_2008_79@mail.ru.

Куликов Михаил Алексеевич — аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: izmark1980@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Иванов Д.А. Международные стандарты мер пресечения и их имплементация в законодательство Российской Федерации / Д.А. Иванов, М.А. Куликов. — DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(4).623-630 // Всероссийский криминологический журнал. — 2020. — Т. 14, № 4. — С. 623–630.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ivanov, Dmitrii A. — Professor, Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Ass. Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: ida_2008_79@mail.ru.

Kulikov, Michail A. — Ph.D. Student, Chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation; e-mail: izmark1980@gmail.com.

FOR CITATION

Ivanov D.A., Kulikov M.A. International standards of preventive measures and their implementations in the legislation of the Russian Federation. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2020, vol. 14, no. 4, pp. 623–630. DOI: 10.17150/2500-4255.2020.14(4).623-630.